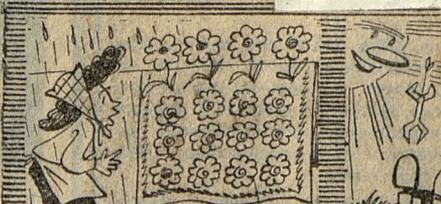

НАШ ВЫХОДНОЙ

МЫ НЕ договаривались о встрече. Она состоялась случайно. В Минске, неподалеку от Центральной площади, на Ленинском проспекте, есть универсам «Центральный». Там, на первом этаже, словно на семи ветрах, стоит прилавок с кофейным автоматом. Вот здесь у стойки за чашечкой душистого напитка мы и обменялись с Кормуниным первыми словами.

— Знаете, — говорил Павел Васильевич, — люблю иногда перед репетицией забежать сюда. Особенно, если накануне поздно был занят в спектакле. Много людей, шум, гам. Совсем не то, что у нас: «Тихо! Илет репетиция...». Развеешь себя кофейком — можно опять работать...

Он сделал два-три небольших глотка, наслаждаясь и напитком, и ярмарочной суетой, царившей вокруг, затем поставил чашечку, взглянул на часы и предложил:

— Может, пойдем к нам? У меня есть в запасе некоторое время.

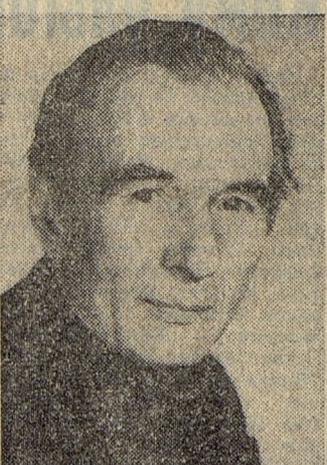
К «нам» — значит, в Белорусский государственный академический театр имени Янки Купалы.

Маленькая гримерная. В ней три стола с трельяжами. Левый, у окна — Кормунина. На

хвалить, и я, слабый человек, много стал о себе мнить.

За день до спектакля быстро пробежал новую роль. На следующий день еще раз. И вот подняли занавес, началось представление. Вышел на сцену Борис — то бишь я. Прошла минута, другая и вдруг слышу — в зале хохот... Вот так «сыграл»!

Словом, бежал я из театра. В буквальном смысле. Позорно бежал. Даже не через дверь, а через окно артистической уборной. Добро, было не выскоки. Темными переулками добрался до квартиры, где жил.

ного розыска», «Не пройдет и года», трилогии о Ковпаке, «Поезда революции», «Путь к сердцу»... Кстати, после этого фильма и произошла та встреча в Жулянах, о которой я рассказывал.

— Какие роли особенно нравятся вам?

— Те, в которых есть правда жизни. Когда человек на сцене предстает таким, каким он бывает в жизни: злым и добрым, хитрым и наивным, веселым и грустным. Нельзя уложить человека в «прокрустово ложе» нравственных мерок и понятий, угодных драматургу. Люди неоднозначны. И в различных ситуациях могут раскрыться с самых неожиданных сторон.

— Как ваш Макушонок в фильме «Красная площадь»?

— В какой-то мере он нравится мне своей безыскусностью, непосредственностью. Он такой, каким ему и надлежит быть в жизни. Здесь есть правда характера.

— Павел Васильевич, вы живете в Белоруссии, работаете в национальном театре, свободно владеете языком...

— Что в этом сложного? Русский, украинский, белорусский языки — все славянские, родственные. Я сравнительно быстро освоил его. И, знаете, иногда у меня такое чувство, словно я всегда жил здесь, среди этих удивительных людей, таких верных, самоотверженных и щедрых душой. Белоруссия в этой войне сильно пострадала. Сколько сел стерто с лица земли, сколько убитых, замученных... А какое упорное сопротивление оказывала фашистам! Какая стойкость, мужество и жизненная сила!

Я рад, что могу что-то создать для этого замечательного народа.

— Каких авторов ставит ваш театр?

— Прежде всего классиков белорусской драматургии. Ставил Матуковского, Макаенка. Интересен спектакль «Погорельцы», поставленный по пьесе Макаенка. Перед зрителем проходят сложные события 1937 года, а затем действие разворачивается двадцать лет спустя. Я играю первого заместителя председателя горисполкома — человека, который сумел удержаться на гребне волны в буре событий. На премьеру спектакля пришел весь партийный актив города, члены ЦК Компартии Белоруссии. Все считали, что спектакль удался. Жаль, что не каждый театр берет за его постановку. В нем много поучительного.

— В фильмах вы не раз проходили суровыми дорогами войны...

— В жизни тоже. Воевал. Служил в девятом отдельном эксплуатационном железнодорожном полку в составе 1-го Украинского фронта. Так что прошел всю Украину. Под артобстрелом, бомбежками восстанавливали железнодорожное полотно, возводили мосты — обеспечивали продвижение наших войск все дальше на запад. Закончил войну уже в Легнице, почти на границе с Германией...

— В те годы, разумеется, пришлось оставить сценическую деятельность?

— Театр — да, сцену — нет. Помните слова из песни тех лет «После боя сердце просит музыки вдвойне»? У меня был опыт руководства джаз-ансамблем. Так что воевал где винтовкой, где инструментом для восстановления пути и мостов, а где и музыкой. Как ни уставали бойцы, а в период затишья между боями всегда тянулись к песне, хорошей музыке, стихам. И по силе возможности наш ансамбль старался удовлетворить запросы воинов. Те фронтные концерты забываемы, конечно...

— Павел Васильевич, у вас богатый опыт работы в театре, общения со зрителем. Очевидно, выработались какие-то критерии, взгляды на сценическое искусство, которых вы придерживаетесь.

— Боюсь, что я тут не буду оригинальным. Что, прежде всего, нужно актеру? Работать. Работать, не жалея себя, не считаясь со временем, забывая обо всем на свете. Только так можно чего-то добиться. Даже большому таланту. Собственно в понятие талант непременно входит и такой признак, как работоспособность.

В титрах фильмов обычно пишут: «В главных ролях...». Дня меня нет не главных ролей. Даже эпизодическую роль, даже в «массовке» нужно сыграть так, чтобы зритель тебе поверил. И запомнил. Как запоминаем мы Льва Дурова, Лию Ахеджакову, в какой бы крохотной роли они ни снимались.

Настоящий артист везде, в любой роли должен быть верен правде жизни. А сцена — это и есть его жизнь.

Беседу вел В. ДЕШКО.

Знакомства и встречи

Артист Белорусского государственного академического театра имени Янки Купалы, народный артист БССР Павел КОРМУНИН:

«СЦЕНА И ЕСТЬ МОЯ ЖИЗНЬ...»

против, тоже у окна — народного артиста СССР Виктора Павловича Тарасова, ближе к двери — Николая Николаевича Еременко.

Павел Васильевич предложил мне стул, сам присел у стола.

— Интересную историю расскажу, — улыбнулся он. — Прилетаю как-то в Киев на аэродром Жуляны. Только вышел из самолета — навстречу мужичина примерно моих лет.

— О, здоров. Ну как? Все уладил? А как семья? Вот друзей нехорошо забывать...

Вопросы, восклицания, упреки сыпались из него, как из рогов изобилия, еще минуты полторы. И вдруг — загнулся. Стоит растерянный.

— Извините, — говорит, — обознался. Вот только сейчас понял. Это же я вас в кино видел!

— Издержки популярности... И все же, хоть тысячи зрителей видели вас в кино, мало кто знает о вашей жизни: где вы росли, о чем мечтали, как стали актером.

— Я рос далеко от Белоруссии — в поселке Васильево — в Татарии. Родители мои русские, отец был железнодорожником. Как видите, от театра довольно далеко. Тем не менее моя театральная «карьеря» началась в раннем детстве.

— В драмкружке?

— Не совсем. К нам на станцию из области приезжали артисты. И был среди них мастер художественного слова по фамилии Макеев — мой кумир. Великолепно читал! Я всегда бегал его слушать. Детская память острая. И я запомнил все, что он читал, слово в слово. Даже мог передать интонации. И когда к нам приходили гости попить чайку из самовара, поговорить, попеть — что сейчас, к сожалению, стало величайшей редкостью в общении людей, — отец обязательно звал меня: «Ну, Панька, давай рассказывай!».

Вот у того стола с самоваром и была моя первая сцена.

— А первая профессиональная?

— Вспоминаю о ней и по-мальчишески краснею. — Он немного помолчал. — Я как-то счел уж быстро вошел в театральный коллектив. Даже хвалили. Ставили мы «Грозу» Островского. Я играл Кудряша. Но случилось так, что однажды заболел исполнитель роли Бориса. Подходит ко мне режиссер и говорит: «К тебе просьба, Павел. Будешь играть Бориса». «Ладно», — говорю.

Прошло несколько дней. Режиссер спрашивает: «Репетируешь?» «Репетирую», — отвечаю, хотя за новую роль еще и не брался. Подумавшись, что там учить? Успешно. В общем, обычная история: рано меня начали

И там дал себе клятву даже близко к театру не подходить. А чтобы вернее было, пошел утром в военкомат и через несколько дней оказался... на Дальнем Востоке. На мне шинель, буденовка — одним словом красноармеец!

— И не тянуло на сцену?

— Ну как же не тянуло! Заглянул как-то в красноармейский клуб. А там идет репетиция. Вижу, что-то не все ладно получается у них. Вот и влез со своими советами. А через месяц уже руководил джаз-ансамблем. В ту пору как раз входил в моду джаз.

— Значит, и эстрада вам близка?

— Немного. Недолго выступал с концертами, а потом снова стал артистом драматического театра. Конечно, немало воды утекло, пока я стал чувствовать себя на сцене уверенно, не раз получал щелчки, но, наверное, только так и научишься уму-разуму.

Как-то наш театр выступал в Ленинграде с творческим отчетом. Перед одним из спектаклей (я в нем играл роль старого боксера, который на закате лет решил подготовить к рингу своего сына), когда все уже были в сборе, режиссер сказал: «Товстогонов здесь. Будет смотреть нас».

Словом, спектакль не получился. То есть, не получился таким, каким мы привыкли его играть. Чувствовалось, что на артистов давит авторитет большого мастера, который сидит в зале и судит их игру.

Потом был разговор. Дружеский, конечно. Никто, естественно, не собирался нас судить. Георгий Александрович просто заметил, что многие играли скованно, потому что очень убедительно. А мне сказал так: «Вам же, Павел Васильевич, вообще не нужно было выходить на сцену, раз сердце болит. Мало ли чего...».

Это замечание я воспринял как самую высокую оценку. Дело в том, что большое сердце было... у моего героя. И, вот, значит, как я убедительно это играл, если даже Товстогонов поверил.

— А когда вы начали сниматься в кино?

— Все началось примерно двадцать лет назад с фильма «Рогатый бастион» по пьесе Макаенка «Лявониха на орбите». Работал я тогда в Казани в театре имени Качалова. И вдруг получаю приглашение попробовать на роль в этом фильме. Это была, как я позже узнал, уже одиннадцатая проба. Вот так снялся первый раз в фильме и... навсегда осел в Белоруссии. Потом было еще 60 фильмов.

— Среди них немало картин украинских студий?

— Да, я снимался в украинских фильмах «Будни уголов-